

76
ОДНОМУ АВТОРУ И ПЕРЕВОДЧИКУ

Д. С. УСОВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1934

33750

801.58

33750

Д. С. УСОВ

808
У-76

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЫ.

1944

1944

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЩ. Б. БИБЛИОТЕКИ
г. СМЕРДЛОВСК

ЧИТ. ЗАЛ
Центр. обл. биб-ки
г. СМЕРДЛОВСК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1934

Предисловие

Задача настоящей книжки — уяснить массовому переводчику (в первую очередь — переводчику учебной литературы) на национальные языки специфику перевода — одного из труднейших видов литературной работы.

Примеры, приводимые в тексте, иллюстрируют на конкретном языковом материале общие методические положения и наиболее типичные случаи, которые встретятся в практике переводчика на любой национальный язык.

Составитель приносит благодарность редакторам Нацсектора Учпедгиза гг. Голубкину, Даниловой, Марагулову, Рогову, оказавшим ему помощь в подборе примеров. При составлении учитывались также рецензии В. Кижаяева, А. Кочеткова и др.

Ссылки в тексте на ту или иную книгу или статью снабжены номерами, под которыми соответствующая работа значится в указателе литературы.

Не надо забывать, что наша страна разноязычна неизмеримо более, чем любая из стран Европы, и что, разноязычная по языкам, она должна быть идеологически единой.

М. Горький („О языке“).

1. Общие замечания.]

Рост культуры народов СССР, пролетарской по содержанию и национальной по форме, политехнизация школы, приобщение наиболее отсталых слоев населения к различным отраслям науки и техники, активное участие в политической жизни страны — всё это тесно связано с развитием и укреплением национальных языков и с обогащением литературы на этих языках.

Такому обогащению способствует дело перевода. Перевод — мощное орудие братства народов СССР. К переводному делу, к его организации и проверке выполнения должно быть привлечено внимание общественности.

Переводы на национальные языки весьма ответственны: на них будут ссылаться, как на подлинники, переводы входят в состав учебников на национальных языках, а опыт переводчиков научной, общественно-политической и художественной литературы будет учитываться при составлении словарей.

Перевод многообразно осуществляется на различных участках советского строительства — в политических и общественных организациях, на производстве, в школе, в периодической печати, в издательствах разного типа — социально-экономических, педагогических, технических, словарных и литературных. Однако, о методике перевода работники просвещения, писатели и даже сами переводчики не всегда имеют достаточно ясное представление. В частности, у переводчиков на национальные языки не всегда имеется достаточный навык в передаче более сложного текста, ставящего художественные задания; а такие задания — в разной мере — ставит не только беллетристика, как иногда ошибочно полагают, но и многие социально-экономические тексты. Удовлетворительный в смысловом отношении перевод на национальный язык снижает иногда художественную ценность подлинника.

Это объясняется отчасти тем, что на некоторых национальных языках почти вовсе не имелось переводов из русской литературы, так что переводчикам, а также составителям

учебных книг, трудно было опереться на какую-либо традицию и методику перевода. Переводчик на иной национальный язык часто является пионером в своей области.

Переводчик прежде всего не должен относиться к своей работе механически; он не должен считать перевод неблагодарной, черновой работой в литературе. Такое мнение может держать перевод лишь на весьма низком уровне.

Переводы издаются часто без указания имени переводчика. Это неправильно—анонимного, обезличенного перевода быть не должно. Имя переводчика всегда должно значиться на его работе, как имя ответственного участника. Часто над переводом одной книги работают три (и более) переводчика. Это не идет на пользу переводу, так как редактору не всегда удается привести к единству неизбежный разноречивый в средствах языкового выражения.

Переводчик должен в совершенстве владеть обоими языками, с которыми он имеет дело. „Его знание иностранного языка должно быть критическим, а знание родного языка практическим“, как заметил один английский языковед. Иначе говоря: переводчик должен строить свою работу на основе вдумчивого, сознательного отношения к переводимому тексту и к родному языку.

О принципах перевода существует целая литература. Если свести все споры по этому вопросу к основным системам, то таких окажется две.

1) Приверженцы первой, правильно считая, что точность есть главная задача перевода, хотят достигнуть этого, воспроизводя не только смысл, но и построение текста вплоть до мельчайших словесных единиц, не смущаясь тяжеловесностью переводного языка—даже, если он граничит с непонятностью.

2) Сторонники другой системы считают, что язык перевода не должен носить никаких следов чужезычности, т.е. ничем не должен отличаться от родного языка переводчика.

Приверженец первого метода, переводя текст, спрашивает себя только: что это значит на моем языке? Переводчик, придерживающийся второго метода, задает себе несколько иной вопрос: как выразил бы это писатель, если бы он писал на моем языке? Слова Ленина и Сталина должны звучать на всяком национальном языке так, как они звучат по-русски для русского.

Дать указания, „как переводить“ во всех мыслимых случаях, вряд ли возможно. Методика перевода есть осознанная

практика. В будущем она должна быть разработана в применении к каждому отдельному национальному языку: ведь языки разнятся между собою и по морфологии, и по лексике и по синтаксису, и в каждом есть совершенно специфические трудности и специфические способы разрешения этих трудностей.

Но в то же время методика перевода охватывает и ряд моментов, сохраняющих свою силу в применении ко всякому языку.

Установки редакторов и переводчиков по методическим вопросам перевода должны быть выяснены в такой мере, чтобы ими можно было пользоваться в дальнейшей работе. Следует установить основные возможности перевода, основные трудности и основные ошибки, встречающиеся в нем.

Попытка этого и сделана в настоящей книжке.

2. Установки перевода.

Переводчики имеют дело с весьма разнообразными подлинниками—переводятся и деловые бумаги, и инструкции, и научные книги по различным отраслям техники, и политическая литература, и социально-экономические работы и газетные статьи (опять-таки самого разнообразного типа—от телеграфного сообщения до очерка и фельетона), и литературные произведения. Установка перевода при этом не может быть одинаковой.

При переводе текстов документального, ведомственного характера точность и правильность стоят, конечно, на первом месте; но здесь перевод может иногда быть *информационным*, т.е. давать правильное и полное осведомление о содержании документа, не следуя ему из фразы в фразу. Разумеется, это не может относиться к таким текстам, как партийные документы, дипломатические ноты или судебные приговоры,—они должны переводиться со всей возможной точностью и полнотой. Но по отношению, скажем, к деловому письму, заявлению о желании вступить на работу, обжалованию чего-либо—такой общей информации может быть достаточно. Наиболее важные места подлинника как бы подчеркиваются красной чертой, и весь текст излагается в сокращении на другом языке.

При переводе текстов научно-технических также необходима и достаточна верная и точная (полная) передача смы-

сла правильным и понятным языком. Когда переводится книга о сорняках и о том, как с ними бороться, или брошюра в помощь радиолюбителю или алгебраический задачник, перевод имеет одну основную цель: в полном объеме, точно и ясно довести до сознания читателя то, *о чем* говорится в тексте, каков бы ни был стиль подлинника.

Но когда переводится учебник для средней школы по литературе, то в нем, кроме характеристики исторических эпох, кроме сведений о различных писателях, об их классовом мировоззрении, об их произведениях, содержатся еще в отрывках сами эти произведения. Их недостаточно пересказать приблизительно, их тоже надо перевести, и перевести так, чтобы читатель понял: это—убедительный показ живой жизни, это—речь художника, мастера слова. Если Серафимович в рассказе „Стрелочник“ говорит о положении рабочего в капиталистическую эпоху, важно и то, *как* именно об этом рассказывается. В этом—отличие художественного перевода от перевода информационного и технического.

Однако, есть произведения слова, которые трудно отнести безраздельно к тому или иному разряду. Язык и стиль „Конституции СССР“, казалось бы, целиком определяется ее назначением—это сжатый и точный язык „основного закона“ Советского Союза. И в то же время первый раздел Конституции—„Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик“ (из которой ниже будут приводиться примеры)—обладает всеми характерными чертами выразительной ораторской речи, и эти выразительные приемы переводчик должен передать. „Коммунистический манифест“ Маркса и Энгельса написан строго-научным языком социально-экономической работы, и вместе с тем он лишен какой бы то ни было сухости; это—речь бойца, яркая, сильная и образная.

Таким образом, переводчик не только беллетристических, но и многих социально-экономических произведений не может быть безразличным передатчиком, протоколистом—он должен быть в какой-то мере писателем, заботиться о выразительности и художественной убедительности воспроизводимого им текста.

Особняком стоит стихотворный перевод, где переводчику приходится преодолевать больше трудностей: точно соблюдая развитие темы, характер и расположение образов, он должен уложить заданное подлинником содержание в определенный стихотворный размер (возможности передачи которого

опять-таки различны в разных языках), а также выдерживать рифмы, их характер и их порядок в соответствии с подлинником. Стихотворный перевод имеет свои особые приемы, которые существенно разнятся от приемов перевода прозаического.

В настоящей книжке главное внимание уделяется переводу прозаического текста на национальные языки, особенно в применении к учебной книге, которая, как мы видели, совмещает в себе иногда язык и научных, и литературных произведений. К переводу нового стабильного учебника надо подходить во всеоружии переводческой техники, предъявляя высокие требования к качеству работы.

3. Построение речи.

Перевод должен быть понятен, научно-точен и литературно правилен. В применении же к учебной книге требование смысловой точности безусловно должно стоять на первом месте.

Для того, чтобы переводить текст, необходимо прежде всего отчетливо понимать его, как целое. От переводчика требуется знание предмета, о котором идет речь, как от технического переводчика требуется известный минимум технической грамотности.

Всякая переводческая работа имеет дело с построением речи и со словарным запасом. Обе эти стороны неотделимы одна от другой. Предложение — это единство, без которого слово не имеет самостоятельного значения; но и слово является элементом, без которого невозможно построить предложение.

Переводя, т. е. передавая связный текст, надо исходить от целого: прежде, чем уточнять и отделять фразу, переводчик должен ее *построить*. Как же он ее должен построить? Так, как если бы она сказана была или написана на его родном языке (ср. выше стр. 4).

Но одинаковые цели в разных языках достигаются разными средствами: одно и то же понятие выражается различным количеством слов, и слова эти по-разному располагаются и по-разному связываются между собою; смысл же остается одинаковым. Это расхождение структуры — очень важный момент при переводе. Отсюда — неизбежность видоизменений и замен при построении переводной фразы.

Конечно, когда переводящий язык может точно следо-

вать ходу предложения подлинника, этого не следует упускать из виду: незачем прибегать к перефразировке и к замене грамматических форм там, где это не вызывается никакой объективной языковой необходимостью.

Примеры совпадающей структуры в переводе:

Много рабочих и крестьян при царе умерло в тюрьмах, на тяжелой работе, в ссылке, в борьбе за рабочее дело, прежде чем удалось взять власть от царя и капиталистов.

На окраине огромного города, высоко над рекой, красиво белел большой дом.

(Серафимович).

Raba pələxi u akkağ b da-na d məkə mitlun go dus-sax, go pilxənə jaglera d surgunutə, go plaşa but şula d pələxi, min qəm d vilə m-mkin lişqəlu hukmə min mələko u qapitalisti.

(Ассирийск. перевод).

Паяк оцю ошть песа, ляйтъ вельх ксса сериста, ма-зиста акшелгодкшнесь ойю куд.

(Мордовско-мокш. перевод).

Однако, возможности такого перевода всё же ограничены: во-первых, структура языков несходна между собою, а во-вторых, всякая связанная речь представляет собою сумму элементов, а не элементы в разобленном виде.

Переводчик переводит не слова, а словосочетания — это основное положение, которое необходимо помнить.

Переводчик не должен быть в рабстве у грамматических форм подлинника. Не синтаксис оригинала должен владеть им, а он должен свободно владеть синтаксисом своего родного языка.

Грамматические категории в переводе могут меняться местами, функции одних могут передаваться другим. При переводе фразы: „Деревня со всех сторон окружена горами“ на курдский язык смысл ее, конечно, остается тот же, но расположение и связь составных элементов видоизменится: „Dora gund gəllə eija hənə“, т. е.: „Вокруг деревни много гор имеется“. Это совершенно неизбежно при переходе от одного языка к другому, если переводчик хочет выразить мысль подлинника в органических формах своего языка.

Например, в учебнике географии СССР встречается фраза: „Много сделано и для преодоления бездорожья“. Передать конструкцию с отглагольным существительным „пре-

одоление“ и с точной этимологической копией слова „бездорожье“ в мордовско-мокшанском переводе возможно, но это придало бы фразе искусственную, трудно усваиваемую форму: „Лама тиф кифтома шить сяськеманс ингсовок“. Переводчик выражает эту же мысль совершенно точно, но отливает ее в другую синтаксическую форму: „Лама тифт кидовок“, т. е.: „Построено также много дорог“. Это вполне согласуется с установкой перевода учебников — переводчик их должен придерживаться функционального принципа, и здесь нет основания говорить о каком-либо смазывании стили подлинника (ср. ниже стр. 41—44).

Примеры из литературных текстов:

„Исправник захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали“ (Пушкин. „Дубровский“). Мордовско-мокшанский переводчик передал эти предложения так: „Исправниксь пяк рахазевсь, а *стажа* Шабашкинць и лият члеттнѣ“ („Исправник громко рассмеялся, а также Шабашкин и другие члены“). В переводе сохранен и об'ем, и членение фраз, но передача в той же глагольной форме („последовали“) по условиям языка не была возможна.

По ассирийски фраза: „Он смотрел перед собою немигающим взглядом“ может быть передана лишь со следующим видоизменением: „Av gəṣṣiqivə l qəṣṣəj, kəd lə tərṭurə ajnu“, т. е.: „Он смотрел вперед, не мигая своими глазами“

В рассказе Гаршина „Сигнал“ говорится о прядильне: „Из-за леса ее высокая труба чернела“. Качественное слово (прилагательное) „черная“ заменено здесь глагольной формой „чернела“. Подобные глаголы (напр., „синеть“, „зеленеть“) имеют оттенок неопределенной длительности. *) В марийском переводе эта фраза принимает такой облик: „Күкш тўньыкшō чодра шэкгач шэмын койын шога“, т. е. в дословном обратном переводе: „Ее высокая труба из-за леса поднималась, кажучись черной.“ Если здесь и происходит некоторое смещение оттенка, то всё же значение данного глагола (труба „показывала свою черноту“) передано, и перевод дает полное представление о своем подлиннике, т. е. выполняет свое основное назначение.

Для выработки техники перевода следует привыкнуть, между прочим, не начинать предложение во что бы то ни

---

*) Ср. замечание А. М. Пешковского: „В „белеется“ есть какая-то изменчивость, подвижность, ускользание от наших взоров, „белое“ стоит перед нами ясно и неподвижно“.

стало с того же самого слова, что в подлиннике,—надо обозреть всё строение фразы и затем, исходя от основного высказывания, передавать целое. Это — наиболее правильный путь. Иногда необходимо прочитывать предварительно несколько фраз вперед, чтобы мысль автора в данном месте предстала вполне отчетливо.

При переводе следует обдумать ряд возможных выражений и оборотов для передачи соответственного места и решить, который из них полнее всего согласуется с предыдущей и последующей фразой.

Надо отдать себе отчет, на что именно сделан упор в переводимой фразе, надо найти в фразе то, что в ней наиболее существенно,—ее ось, вокруг которой располагаются все составные части высказывания. Тогда у переводчика будет надежная отправная точка.

Но порядок слов в различных языках, как уже указано, не совпадает, и, воспроизводя его механически, переводчик рискует выдвинуть на первый план менее существенное или даже вовсе исказить смысл текста. Так, проф. Е. Поливанов указывает, что при механической пересадке русского синтаксиса в мордовский, марийский и т. д. переводный текст „можно встретить например, выражения: „С'езд Четырнадцатой Партии“ вместо „Четырнадцатый С'езд Партии“, — все, конечно, потому, что переводчик сохраняет русский порядок слов, не считаясь с обязательной для финских синтаксической нормой (где определение ставится перед своим определяемым, а согласование отсутствует)*).

Если перевести заглавие: „Борьба за социализм и религия“ на ассирийский язык с той же расстановкой слов: „Plaša but sosializm u mæssəb“, то смысл этого словосочетания будет искажен — в переводе получится: „Борьба за социализм и за религию“, потому что в ассирийском языке падежи выражаются предлогами, и предлог относится к обоим словам. Поэтому перевод должен быть таков: „Mæssəb u plaša but sosializm“, т. е. „Религия и борьба за социализм“.

Слова, выражающие родовые отношения, в ассирийском языке должны непосредственно примыкать к именам или названиям тех, о ком в данном случае говорится, как о родственниках. Поэтому фраза „Мог-ли дедушка взять Ваньку в деревню?“ (из вопросника к рассказу Чехова в книге для чтения) по-ассирийски должна быть передана в таком

---

*) Е. Поливанов „За марксистское языкознание“. М. 1931. Стр. 94.

виде: „Мог-ли дедушка Ваньки взять его в деревню?“ Иначе читатель не поймет, о каком именно „дедушке“ идет речь, и может воспринять слово „дедушка“ в обобщенном значении: „старик“. Выражение: „Мать одела маленькую дочку в красное платье“ для перевода на ассирийский язык приходится, в соответствии со сказанным, перефразировать так: „Jimmə d brətə surtə mulvişels çullo smuqi allo,“ т. е. „Мать маленькой дочки надела на нее красное платье“.

Наиболее краткая и ясная форма словесного выражения всегда имеет преимущество. Это относится и к переводу. При переводе надо по возможности избегать многословия, переводя как можно более сжато (что отнюдь не надо смешивать с пропусками и сокращениями текста).

Однако, перевод на национальные языки часто заставляет расширять объем предложения сравнительно с русским.

Первая причина этого — лексические расхождения. Отдельное русское слово в том или ином языке оказывается необходимым передать расширительно. Например, слово „безбожник“ по мордовско-мокшански передается лишь словосочетанием: „Шкаенди аф верондай ломань“ („человек, не верующий в бога“), слово „революционизировать“ — например в сочетании: „революционизировать массы“ — по ассирийски может быть передано только: „livədə səggiji“ revəljusişəji“ („делать революционными массы“).

Вторая причина расширения при переводе — расхождения между языками в грамматической структуре.

Так например, русский язык богат глаголами с предложными приставками. Но для таких форм в ассирийском языке нет эквивалентов. Фразы типа: „Птицы прилетели из жарких стран“ обычно передавались в ассирийских переводах так: „Təgь prixlun min artravəть ximməni“, и получалось: „Птицы *летели* из жарких стран“. При сличении переводных текстов было замечено, что при такой передаче утрачивается существенный оттенок, вносимый в русское предложение видовой формой глагола, и, чтобы компенсировать его, ассирийские переводчики стали прибегать к единственно возможному в данном случае приему — к сдвоению глаголов: „Təgь prixlun-tilun min atravəть ximməni“ (в буквальном обратном переводе: „Птицы летели-прибыли из жарких стран“).

Словосочетание: „Крымское побережье Черного моря“ по ассирийски должно быть выражено так: „Mərzə d Qəym d al jəmə Kumtə“, т. е.: „Берег Крыма, что на Черном море“;

прилагательное же от „Крым“ здесь употреблено быть не может, потому что оно обозначает по ассирийски не „крымский“, а „крымчанин“.

Расширение может распространяться и на целое предложение.

В ассирийском языке определение ставится после определяемого, и потому приходится расширять предложение новым придаточным и вместо, например: „Первая в мире страна советов“ писать: „Atra, d ijli o atra qəməjə d motvi go dunji“, т. е., в обратном переводе: „Страна, которая является первой страной советов в мире“.

В некоторых случаях расширять приходится даже целую совокупность нескольких самостоятельных предложений, находящихся в непрерывной смысловой связи. Так, в русском подлиннике читаем: „Вот грядка кустиков. Это грушевые деревья-карлики“ (Очерк „В Мичуринском саду“ из учебной книги Е. Фортунатовой). Для того, чтобы в мордовско-мокшанском переводе второе, примыкающее, предложение получило ясную форму, предпочтительно расширить весь комплекс: „Вов паньденя. Сонь лангсонза касыхть кустикт. Нят карлик грушалкст“ (т. е.: „Вот грядка. На ней растут кустики. Это — карликовые грушевые деревья“).

Расширяющий перевод представляет собою, следовательно, вполне закономерное явление.

Тем важнее для переводчиков учитывать и разрабатывать те возможности стяжения, какие предоставляет им родной язык.

В настоящем обзоре было бы невозможно рассмотреть все способы этого во всех языках. Будут указаны лишь некоторые типы сжатой передачи синтаксических построений.

Так, при переводе на немецкий язык стяжению содействуют составные существительные, образуемые в немецком гораздо свободнее, чем в русском, а также глаголы с приставками. Например, в немецком переводе предложения: „Во время отлива море далеко отступило от берега“ всё словосочетание „отступить во время отлива от берега“ может быть передано одним глаголом („zurückgeben“).

В мордовско-мокшанском языке сократить объем предложения помогает деепричастная форма, широко пользоваться которой важно для переводчика. Например: „Пройдя небольшое расстояние, мы увидели деревню“ переводится обычно так: „Аф оцю вастонь етамда меле, минь няесък

велеть“, тогда как перевод может быть выражен короче: „Аф оцю вастонь *ѣтамок*, минь няеськ велеть“.

В ассирийском языке предлог *de* заменяет русское „который“ и помогает передавать структуру более сжато. Ассирийский язык знает и другие средства стяжения. Для таких предложений, как: „Они заставляют меня петь“ он располагает особой принудительной формой глагола — всё это предложение может быть выражено одним словом: „Мэзмигїпэ“. Если бы даже переводчик пожелал выразить это тем же количеством слов, что в русском, то получился бы лишь дословный искусственный перевод, далекий от живой ассирийской речи.

Но нужно еще раз подчеркнуть, что и расширение и стяжение структуры предложений нельзя смешивать с незакономерными смысловыми расширениями и сокращениями, т. е. вставками и пропусками, о которых будет сказано ниже (см. стр. 44—46).

Работая над синтаксисом перевода, надо учитывать, что одни писатели пишут отчетливо разграниченными, замкнутыми фразами, другие, наоборот, склонны к сложным, многообразно сцепленным между собой, встроенным одно в другое предложениям, к периодической речи. Внутри сложного построения переводчик может и должен предпринимать (в интересах ясности и понятности текста) расчленения подобные тем, о которых говорилось; но он должен поставить себе за правило соблюдать пределы фразы: конечная точка должна соответствовать точке, между тем как части, отграниченные друг от друга запятой или точкой с запятой, могут быть расчленяемы иначе — в соответствии с требованиями отчетливой передачи смысла.

Примером может служить следующий период из „Дубровского“ Пушкина и его мордовско-мокшанский перевод:

Разбирая его бумаги, на-
шел он только первое письмо
заседателя и черновой от-
вет на оное, из коего не
мог он получить ясное по-
нятие о тяжбе, и решился
ожидать последствий, наде-
ясь на правоту самого дела.

Сонь кагодонзон кочкам-
ста сон музе аныцек засе-
дательть васень сёрманц
и акшос апак тяшнек тянди
отвед, конань эзда сон исце-
шярькодъ мезенгса синь кя-
жиясть; сон кармась уче-
ма мезе ули, сянъ лангс на-
диязь, што тевсь мекпяли
няфцы видөнц.

В переводе период расчленен — с сохранением, однако, отчетливой связи частей и без нарушения единства в ходе мысли; по-мордовски он изложен так:

„Разбирая его бумаги, он нашел только первое письмо заседателя и не переписанный набело ответ, из которого он не мог понять, за что они ведут тяжбу; он стал ожидать исхода дела, надеясь на то, что дело, наконец, покажет правду.“

Повторяем: ясность смысловой передачи является основным моментом в работе переводчика над синтаксическим оформлением своего текста.

* * *

Речь состоит из высказываний разного типа.

Есть сочетания, в которых каждое отдельное слово сохраняет полную самостоятельность и не изменяет своего значения. Например: „Уфалейский завод дает продукцию высокого качества.“

Преимущественно из таких предложений, подобных формулам („А есть В“, „При условиях С и D наблюдается явление Е“ и т. д.), состоит язык технической литературы. Для переводчика учебной книги по точным наукам такие „предложения-формулы“ не представляют больших затруднений.

Однако, письменная речь состоит не из одних таких формул, — она гораздо сложнее и многообразнее. Большинство слов, вступая в разные сочетания с другими, как бы поворачивается всё с новых и новых сторон. Так, слово „служить“ должно будет переводиться по-разному в сочетаниях:

„служить в армии“,

„признаком возникновения генерации в радиоприемнике служат свисты, хрипы и искажения передачи“,

„эти ботинки мне долго служили“,

„служить надежной порукой“,

„Союз Советских Республик послужит верным оплотом против мирового капитализма“.

Например, при переводе учебной книги по естествознанию на мордовско-мокшанский язык встретилось выражение: „Знаменитый змей Франклина“. Здесь нельзя механически переводить слово „змей“ через „куенц“ („змея“), а надо воспользоваться существующим в мордовском языке

выражением: „кагодонь лиендема“ (буквально: „бумажный летун“), которым дети и называют свои бумажные змеи.

Но, кроме того, во всяком языке имеются такие нерасторжимые стойкие словосочетания, где отдельное слово как-бы растворяется в целом и единство уже не равняется простой сумме составляющих его словесных элементов, а получает, подобно химическому соединению, новое качество — новое значение. Примеры: „бить отбой“, „во мгновение ока“, „спустя рукава.“ Такие обороты, называемые *идиомами*, заменяются при переводе оборотами, точно соответствующими им по смысловому содержанию, хотя они могут совсем не совпадать по словесному составу. Это — замены, обусловленные языковыми возможностями, наличным запасом соответственных оборотов в самом языке. Переводчик не изобретает эти замены сам, а выбирает их из наличного языкового фонда.

Такие замены можно обозначить названием: аналогии.

Если, например, в карачаево-балкарской народной песне встречается выражение: „Ты надел недействительную бурку“, то в русском переводе оно в таком виде было бы непонятно; его надо заменить соответствующим русским: „Ты — волк в овечьей шкуре.“ Русское „из огня да в полымя“ передается по-немецки: „Aus dem Regen in die Traufe“, что в дословном обратном переводе хотя и означает не огонь, а воду („Из дождя в ливень“), но по смыслу совершенно точно совпадает с русским. Русскому обороту: „спустя рукава“ вполне соответствует мордовско-эрзянский: „кедень налдазь“ (буквально: „опустив руки“), русскому: „Не мели вздора“ — мордовско-мокшанский: „Тят пувода кяльцень мархта“, что значит: „Не мни языком, как мялка“. Русский „разносчик сплетен“ в мордовско-мокшанской фразеологии выступает как „нюхающий запах блинов“ („пачань шинень нксси“), а русский оборот: „смотреть сквозь пальцы“ при переводе на марийский должен быть выражен поговоркой, означающей: „Закры(ва)ть глаза“ („шинчам кумэн ончаш“).

Такие аналогии и являются наилучшим переводом идиом.

Это же относится и к пословицам. Русская пословица: „Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки“ при переводе на калмыцкий язык видоизменяет свой облик и передается соответственной: „Чем завтрашний жир — лучше сегодняшние легкие“. Пословица: „Не в свои сани не садись“ при механическом переводе на ассирийский язык неизбежно

утратила бы свою остроту. Предметное значение „саней“ в данном случае и не так важно. Ассирийский переводчик поступает совершенно правильно, заменяя их другой бытовой подробностью: „Lə raşyt əqlux l pristə, d lelə d gəniх“ („На чужой половик не протягивай ноги“).

Это говорит также за то, что при составлении переводных русско-иноязычных (национальных) словарей должны быть по возможности богато представлены ходовые поговорки и пословицы, что особенно актуально для языка газеты и художественной литературы (особенно — предназначенной для колхозов); при этом в словаре должны даваться не только точные переводы поговорок и пословиц, но и аналоги, которыми переводчики могли бы воспользоваться в своей практике.

Пословицы и поговорки воспринимаются как таковые лишь в том случае, если они взяты из живого языка. Поэтому методически неправильно, когда в оригинальной книге для чтения, предназначенной для национальных школ, даются загадки и пословицы в искусственном переводе, в форме, несвойственной национальному языку.

Но при переводе аналогами, о котором говорилось, необходимо избегать таких оборотов, поговорок и пословиц, где упоминаются исторические факты, бытовые явления и предметы, свойственные исключительно национальной обстановке переводчика и совершенно отсутствующие в истории и материальной культуре той национальности, с языка которой делается перевод: это было бы не приближением, а искажением подлинника. При переводе, например, на якутский язык можно вводить в пословицы лишь те понятия, которые присущи якутской национальности. Русским переводчикам не раз ставилось в упрек, что в их переводах с английского или с испанского появляются „блины“, „самовары“, „сани“, „Москва“, „Тула“, „Полтава“, „Юрьев день“ и т. п.

Так, в переводе „Коммунистического манифеста“ на казакский язык переводчик казакизировал целые фразы вместо того, чтобы снабдить соответственные места толковым пояснением. Например, вместо слов: „Известно, что на рукописях, на которых были записаны классические произведения времен языческой древности, монахи писали свои нелепые жизнеописания католических святых“ — в казакском переводе получилось следующее: „Подобно тому, как татары (ногаи)

приписывали свои частушки (такмак) к арабским философским произведениям, не понимая их смысла".*)

Из сказанного следует также, что перевод путем аналогов применим лишь к идиомам, поговоркам, пословицам, и не может распространяться на более крупные самостоятельные части произведения, а тем более — на всё произведение в целом. Такие случаи в переводной практике, однако, наблюдаются. В Индии, например, к переводу предъявляются совершенно не такие требования, как в СССР и в Западной Европе, где от перевода требуется прежде всего точность и возможная близость к подлиннику. В Индии под названием „переводов“ издуются свободные переделки, которые часто изменяют подлинник до такой степени, что сохраняются лишь основные мысли и главные моменты их развития. Так, действие некоторых рассказов Л. Толстого перенесено в Индию, вместо русских крестьян выступают индийские (с соответствующим видоизменением обстановки) — и в результате без указания заголовка трудно даже узнать, какому рассказу Толстого соответствует такой „перевод“.**)

В практике переводов с одного европейского языка на другой, где бытовая обстановка ближе, подобные случаи тоже встречаются, хотя и реже. Так, немецкий переводчик „Сказки о попе и работнике его Балде“ Пушкина ввел немецкие имена и придал всей сказке такой вид, как если бы она возникла в Германии и никогда не принадлежала Пушкину. Против такого метода перевода, не только вытравливающего без остатка все национальные черты, но, главное, подменяющего их иными, несвойственными подлиннику, переводчика необходимо решительно предостеречь.

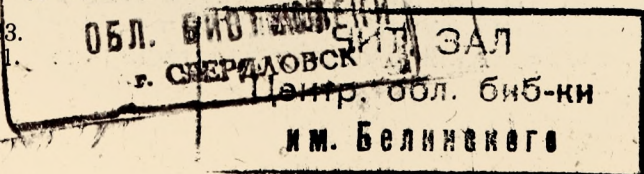
4. Передача выразительных средств подлинника.

Работая над передачей текста во всех его оттенках, переводчик должен учитывать, что выразительность речи достигается или подчеркивается рядом специальных приемов. Отказываться от задачи сохранить при переводе стиль подлинника переводчик не должен.

Некоторые из этих приемов основаны на определенном расположении того словесного материала, с помощью которого данное содержание сообщается читателю, другие вводят новые, дополнительные образы.

*) См. № 23.

**) См. № 21.

Так, если автор строит несколько фраз подряд совершенно единообразно, параллельно — например: „Для мыши сильнее кошки зверя нет“, „Для русских махистов сильнее Плеханова-материалиста нет“ (В. И. Ленин. „Материализм и эмпириокритицизм“) — это должно быть по возможности соблюдено в переводе. Параллелизмы тем важнее передавать, что благодаря им особенно ярко выступает сходство, но также и противоположность явлений, которую показывает автор.

Пример:

Дочка фабрикантши расцветала, как цветок, с перетянутыми ниточками ручками и ножками. И смотрели на нее нарисованные на доске глаза в золотой оправе. Дочка ткачихи — желтая, со старушечьим личиком, кривыми ножками, как пожелтелая травка в темноте погребца. И смотрело на нее почернелое лицо на потрескавшейся доске.

(А. Серафимович. „Две божьих матери“).

Фабрикантть аванц стирьянц панжезь панчсь, панчфкя лаца, якстерья, пильгенянза и кеднянза повафкат, кода сюреньяса. И вансть сонь лангозонза доскас тяшьф золотой оправа мархта сельмет. Ткачихать стирьянц — туюзя, шаманяц, кода сире бабанне, пильгенянза кичкфнят, кода шобда пахарямса пужф тишенья. И вансь сонь лангозонза лазонтф доскать лангста шабда шама.

(Мордовско-мокш. перевод).

Сходный случай — когда начала смежных фраз строятся однородно; это как бы врезывает их в сознание читающего. Такова структура некоторых абзацев в письме И. В. Сталина „О некоторых вопросах истории большевизма“, например: „Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране? Это оружие дал ей троцкизм. Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся... Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие...“

Если переводчик придаст фразе: „Мы это задумали, мы это начали, мы это выполним“ такой вид: „Мы это задумали, начали и мы выполним это,“ то он ослабит этим ударность предложений и снизит действенность речи.

Однако, переводчик не должен стремиться к формальной передаче всех без различия повторений в тексте. Нужно учитывать, играет ли такое повторение организующую роль в изложении мысли. Бывают повторения отдельных слов (и притом чисто служебных) или повторения раз'яснительных ремарок в рассказе (вроде: „сказал он“, „ответила она“), которые ничего не выделяют и не подчеркивают. В переводе же назойливая повторяемость их выступила бы только еще резче, и это может быть поставлено в вину переводчику.

В повествовательной прозе союзы иногда устраняются, а иногда, наоборот, количество их увеличивается. То и другое соответствует выражению различного темпа речи.

Многосоюзи е обычно замедляет движение фразы, придает ей характер неторопливого рассказа. Например:

И ругают тебя, и коло-
тят часом, и гонят...

(Горький).

И сюцетядязь тонь пик-
ссетядязь кой коста, и пан-
тьтядязь...

(Мордовско-мокш. перевод).

Бессоюзи е, наоборот, сообщает речи известную ускоренность, торопливость. Например:

Нашей задачей было — на-
нести неприятелю внезап-
ный стремительный удар в
тылу, вырвать у него иници-
и ативу наступления, про-
извести панику и разрушить
все планы...

(Фурманов).

Минь задачаньке ульсь
стама—апакучт неприятельт
эрхтемс тылста, машфюмс
эцсема мяленц, абондфтомс,
калафтомс сембе планон-
зон...

(Мордовско-мокш. перевод).

И многосоюзи е, и бессоюзи е должны учитываться переводчиком — но, опять-таки, в тех случаях, когда эти языковые приемы увязаны со смыслом того, что сообщается в данном месте текста, и с характером изложения.

* * *

От приемов, организующих строй речи, следует отличать приемы, вводящие в речь новые образы (всё с тою же целью — усилить ее выразительность и тем самым ее убедительность).

Здесь дается не исчерпывающий перечень этих приемов, а указание типа их, с точки зрения переводимости.

Наиболее простой вид такого приема — сравнение, легко поддающееся переводу. Вот, например, один из моментов описания хозяина-кулака у Шолохова:

Он отмахивал кресты, как
косой по лугу орудовал.

Сон яфиясь крест, кода
лятьф ланга лядемста пе-
лемса. *)

(Мордовско-мокш. перевод).

В русском языке сравнение осуществляется иногда и без посредства союзов („как“, „подобно“, „будто“), а при помощи творительного падежа; передавать это в такой же форме возможно, конечно, только там, где это позволяет структура переводящего языка.

Пример:

Костлявая и длинная фигура дедушки Архипа вытянулась поперек узкой полоски песка — он *желтой лентой* тянулся вдоль берега между обрывом и рекой.

(Горький).

Архип атянь пакарю и куvara ронгоц венемсь шуваронь тьяня китькскяць туркс, — сон тюзя лентакс (или карксокс) таргафоль берягть кувалмос, шунготьф берягть и ведть ёткса.**)

(Мордовско-мокш. перевод).

Но при переводе сравнений надо иметь в виду, что фразеология всякого языка содержит готовые сравнения, как бы стершиеся от долгого употребления и не воспринимаемые более как таковые — вроде, например, русских: „дрожать как осиновый лист“, „бояться как огня“. Если национальный язык не обладает ходовым оборотом, соответствующим русскому, такое сравнение не обязательно должно переводиться как двучленная фигура („а подобно b“, „а как b“) — переводчик обязан лишь полностью передать его смысловое значение другим оборотом, т. е. прибегнуть к аналогу, как было показано выше.

Ввод нового образа особенно полно осуществляется в метафоре; в этом случае исходное значение сближается с другим, связанным с ним, однако, по некоторым вторичным признакам. Таким путем изложение обогащается.

*) Примеры, где подлинник передан совершенно точно, в обратном переводе не даются.

**) Варианты в этом примере: „лентакс“ и „карксокс“ („тесьмой“) являются лексическими вариантами, и само сравнение в обоих случаях сохраняет свою силу в переводе.

Метафоры, как и сравнения, если они принадлежат данному писателю, а не взяты им из запаса готовых языковых оборотов, должны не заменяться, а, по возможности, переводиться точно.

Пример:

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми.
(Горький).

Щятяниц кудоц пшаксель фкя - фкянь лангс кяжень пси туманца.
(Мордовско-мокш. перевод).

Иногда образ сосредоточивается в определении, поставленном при слове; перевод не должен обесцвечивать такие определения.

Пример:

Он лежал, глядя на *бисерное* небо.
(Шолохов).

Сон ащесь мадозь и вансь блёсткаву менельть ланс.
(Мордовско-мокш. перевод).

Это же относится и к случаям, когда в образном (переносном) значении употреблены глаголы.

Пример:

До слуха еще долетали дрожащие, жалкие ноты дедова голоса, *плутавшие* в сонном и знойном воздухе над станицей.
(Горький).

Сон пилезонза нингя кулевс атяниц трнатоць кува-каста таргави вайгялец, ко-на *эрьгедькшесь* станицать вельхксса удозь ащи пси кожфть эзга.
(Мордовско-мокш. перевод).

Но, передавая образы подлинника, переводчик не должен по собственному почину вводить в речь такие образы, которых в подлиннике нет, как бы это ни казалось заманчивым.

Так, в одном немецком рассказе говорится о спящей женщине: „Ihr Kopf lag in den weichen Polstern“ („Ее голова лежала на мягких подушках“). Русский переводчик, очевидно, хотел возможно ближе передать характер построения фразы с предлогом „in“ („b“), что по-русски в данной связи невозможно (по-русски неупотребителен оборот: „ле-

жать в подушках"). Для этого ему пришлось ввести дополнительно новый образ, и перевод получился такой: „Ее голова лежала в мягком гнезде подушек“. Но этот образ — „мягкое гнездо подушек“ вместо „мягкие подушки“ — является продуктом уже не перевода, а самостоятельного творчества. Если стать на этот путь, то можно дойти до таких произвольных отклонений, где утрачивается связь переводного текста с подлинным (см. ниже стр. 44—46).

Творческая замена другим, самостоятельно найденным образом допустима в тех случаях, когда требуется передать сложное художественное выражение, специально принадлежащее данному автору и не имеющее точного соответствия в переводящем языке. Такие замены обуславливаются уже богатством и выразительностью стиля самого переводчика.

Требуется, например, перевести на русский язык немецкую фразу (из художественного описания заката): „Der Tag ist in den Abend verblaßt“. В дословном переводе это значит: „День побледнел и стал вечером или даже: „День побледнел и перешел в вечер“. Всмотревшись в это выражение, переводчик различит в нем два момента: а) потускнение, погасание дня, и б) наступление вечера. Этот комплекс понятий выражен притом очень сжато. Переводчик также должен быть краток, сохраняя в точности смысловое содержание и, насколько возможно по условиям языка, — образность выражения. Он может расчленить это высказывание и изложить его, например, так: „Краски дня поблекли; вечереет“. Если сравнить этот пример с вышеприведенным („в мягком гнезде подушек“) — нетрудно заметить, что здесь переводчик не привнес дополнительный момент („краски дня“) от себя, а вывел его из общего содержания, покрываемого немецким глаголом „verblassen“.

Творческие замены переводчика отчетливо можно видеть на примере заглавий, заключающих в себе сложный образ. При этом интересна передача их на языках, более далеких от русского по морфологии и словарному составу, чем немецкий.

Заглавие романа Серафимовича: „Железный поток“, будучи переведено на марийский язык теми же словами, могло бы быть воспринято буквально („поток железа“) и остаться неясным. По марийски оно передано: „Күртньö вий“, т. е.: „Железная сила“, „Железная мощь“. Эта метафора, выражая мысль подлинника, является в то же время

непосредственно понятной для марийского читателя — именно как образное выражение.

Заглавие (хрестоматии): „На страже“ на ассирийский язык дословно непереводимо. Оно могло бы быть переведено: „Naturь“, т. е. „Охраняющие“ или „Хранители“. Но хотя такое заглавие формально и близко к русскому, оно носит слишком отвлеченный характер и мало что говорит читателю ассирийцу. Сила и направленность русского заглавия, приближающегося по своему типу к лозунгу, гораздо ярче может быть выражена при помощи творческой замены: „Atra ntɣja“, т. е. „Береженная страна“. Такая замена точно сохраняет тот смысл, который стоит за русским словосочетанием „На страже“. Это — переработка образного выражения в свою национальную форму.

В отчетном докладе XVII-му съезду партии И. В. Сталин говорит в одном месте о взглядах „закудалых дворян, имеющих большую амбицию, но лишенных всякой амуниции“. Ассирийский переводчик, точно сохраняя смысл этого высказывания, дает ему столь же красочное и выпуклое выражение в словах и образах своего родного языка:

„Дворяне с перевернутым (ослиным) седлом, имеющие аппетит, но не имеющие даже домодельного пистолета“.

При этом в переводе сохраняется и антитетическое построение, и рифма, как в подлиннике:

„Bəgzad̄ palane kɔɣja, enij d itlun ɣstav, inə litlun pɣstav“.

Многое здесь, конечно, зависит от находчивости переводчика, который должен проявлять определенную инициативу (что отнюдь не дает ему права ни на пересказ, ни на произвольные вставки, о чем будет сказано ниже).

Итак, перевод, как было показано на примерах, является результатом взаимодействия возможных стяжений, объективно требуемых расширений, перегруппировок и замен.

Самое основное в процессе переводческой работы отчетливо выражено в следующей формулировке: „Подойдя к тексту путем интерпретации..., переводящий затем отвлекается от оригинала, переживает содержание его в словах и образах родного языка и фиксирует последние, воспроизводя в подробностях замысел подлинника“*)

5. Передача терминов.

Наряду с оформлением связной речи большую важность для переводчика представляет выбор слов.

*) См. № 10.

Говоря о нем, надо иметь в виду „значащие слова“, словарные элементы языка, так как именно они играют в этом вопросе решающую роль. Слова же служебные, строевые элементы языка — как например местоимения, предлоги, союзы — относятся к работе над построением предложения.

В противоположность разговорной и литературной речи, особенностью языка науки и техники является то, что он несравненно более насыщен терминологией. Для переводчика важно учитывать разницу между словами и терминами. Переводчик литературного произведения относительно свободен в использовании слов переводящего языка. К его услугам — всё богатство синонимии. Он может, например, свободно выбирать между такими определениями, как „едкий“, „насмешливый“, „колкий“, „язвительный“, „саркастический“, или между такими глаголами, как „сохранять“, „хранить“, „беречь“, „экономить“. Переводчик научной и учебной книги такой свободой не пользуется. Научно-технический перевод допускает либо очень ограниченное количество вариантов, либо вовсе их не допускает, потому что смысл термина точно фиксирован — в составе слов научного языка термины подобны цифрам или иным математическим знакам. Трудность технического перевода и состоит в том, что переводчик должен всякий раз устанавливать то единственное значение термина, которое он приобретает в данном конкретном окружении, так как слово-термин, во-первых, может иметь различное значение в различных отраслях техники (например, термины: „анкер“, „кран“, „привод“), а, во-вторых, слова общего разговорно-бытового языка приобретают в техническом языке специальное значение, не совпадающее с их обычным употреблением (например, слова: „кошка“, „подушка“).

Передача терминологии в национальных языках — вопрос, требующий более широкого принципиального рассмотрения, нежели под углом методики перевода. Он тесно связан с общими проблемами языкознания и национальной языковой политики.

Перевод терминов в разных языках поставлен в различные, часто своеобразные условия. Так например, на мордовский язык более легким оказывается перевод учебной книги по ботанике. Мордовский язык — язык народности, занимавшейся до последнего времени исключительно сельским хозяйством (в его полунатуральных формах), частично — охотой и рыболовством. Окруженная лесами, Мордовия была изолирована политикой царского правительства от очагов

культуры других народов. Мордовский язык располагает богатой лексикой, объясняющей явления окружающей природы, производственные процессы, связанные с сельским хозяйством, лесоводством, охотой, рыболовством. Вполне понятно, что мордовский язык изобилует терминами, относящимися к растительному и животному миру, а также к агрономии; поэтому и перевод учебника ботаники или книги по сельскому хозяйству на него менее сложен, чем перевод учебника с терминологией другой отрасли. Есть языки с богатым запасом слов, относящихся к животноводству (например, калмыцкий язык).

Во многих национальных языках ощущается недостаток научной терминологии, которая должна быть воспринята в процессе языкового и культурного строительства. Рассмотрим, каковы способы ее передачи, не беря на себя решение спорного вопроса, какой из этих способов следует предпочесть. Это решение может быть получено лишь в результате обширной исследовательской работы.

Многие национальные языки обладают лишь скудным запасом слов, нужных для перевода специальных терминов по биологии, химии, физике, медицине; для перевода некоторых отвлеченных понятий во многих языках вообще нет равнозначных слов. Например, на мордовском языке такие слова-термины, как „равновесие“, „центр“, „точка“, „отвес“, „материал“, „лаборатория“, „вертикально“ не могут быть переданы родными словами.

Там, где национальный язык в настоящий момент не в состоянии дать слово, точно выражающее требуемое понятие, переводчикам приходится использовать достижения более развитых языков. Как указал Фр. Энгельс, „необходимые иностранные слова, представляющие в большинстве случаев общепринятые научно-технические выражения, не были бы необходимыми, если бы их можно было перевести. Перевод только искажает их смысл: вместо того, чтобы объяснить, он вносит путаницу“.

Первый способ усвоения термина — это сохранение его в форме иностранного слова, к которому в данном случае надо отнести и русские слова. Усвоение русского слова-термина практикуется особенно часто, потому что русский язык изучается в национальной школе как язык Ленина и Сталина, как язык политической литературы и партийных документов.

Ряд иностранных слов-терминов — в первую очередь на-

учно-политических — не только может, но и должен быть сохранен в их подлинной форме, так как они представляют собою международное достояние пролетариата всех стран. Перевод только лишил бы их присущей им классовой заостренности. Таковы, например, слова: „капитализм“, „буржуазия“, „революция“, „социализм“, „пролетариат“, „класс“, „экономика“ и многие другие. Усвоение их является частью общественно-политического воспитания. Иностранные слова вводятся либо путем транскрипции (например, греческое слово „тезис“), либо путем ассимиляции (например, „синтез“ вместо греческого „синтезис“). Прочно установившиеся термины часто включаются в текст перевода в том виде, в каком они употребляются в международной литературе. Во всяком случае, и транскрипция, и ассимиляция должны проводиться последовательно. Так например, татарский переводчик „Коммунистического манифеста“ передает слово „индивидуум“ в одном месте через „individuum“, в другом через „individ“ (а еще в других местах заменяет его татарскими словами).*) Такого нарушения единства в языке перевода следует избегать: разнобой мешает правильному усвоению.

Ряд русских слов, выкованных и введенных в обиход Октябрьской Революцией и социалистической реконструкцией страны, в полной мере обладает международным революционно-общественным значением. Такие слова, как „совет“, „ударник“, „колхоз“ и др. должны войти в словарь национальных языков в их русской форме.

Например, в немецком языке слово „Rat“ („совет“) охватывает тот же круг значений и может выступать в тех же сочетаниях, что и в русском (например: „совет“ в значении „совещание“, „школьный совет“, „совет врача“, „дружеский совет“). И всё же для словосочетания: „Советская республика“ (перевод: „Sowjetrepublik“ гораздо определеннее выражает всю заключенную в нем сумму понятий, чем „Räterepublik“, так как слово „совет“ в этом его значении прочно вошло в международный словарь политических понятий.

Второй способ усвоения термина: из русского языка переводчиками берутся специальные научные термины, но в ассимилированном виде, т. е. сохраняется русская форма термина, измененная в соответствии с требованиями фонетики и грамматики национального языка — подобно тому, как

*) См. № 20.

в языке русской научной литературы получили права гражданства многочисленные иностранные термины, заимствованные для точной передачи определенного понятия (например: „индукция“, „организм“, „скелет“, „нервная система“).

Например: „Основы алгебраической письменности“ в мордовско-эрзянском переводе алгебраического задачника передается: „Алгебрань основной тешкставкстнэ.“

Примеры такого рода нетрудно найти на любой странице любой учебной книги, переведенной с русского на какой-либо национальный язык. Встречаются они и во многих примерах, которые приводятся здесь для иллюстрации других явлений перевода.

Применяя ассимилированные русские слова, которые уже стали ходовыми в национальном языке, переводчики руководятся желанием упростить текст.

Отнюдь не усматривая в употреблении ассимилированных слов проявления „руссификаторства“ или „великодержавного шовинизма“ в языке, переводчик должен всё же внимательно относиться к возможности замены русского термина родным словом. Сохранение русского слова является часто линией наименьшего сопротивления и не содействует обогащению национального языка. В переводах оставляются иногда непереверденными такие русские слова, которые совершенно свободно могут быть заменены равнозначными. Таковы, например, в мордовских переводах учебных книг слова: „губа“, „олень“, „подвал“, „рудник“, „семя“, „скорлупа“, „мелкий“, „огромный“, „пестрый“, „несколько“. В татарском переводе „Коммунистического манифеста“ оставлено русское слово „имение“, хотя в татарском языке имеется соответствующее слово.*) Иногда оставляются такие русские слова, которые не только переводятся равнозначными национальными, но имеют даже ряд синонимов.

При выработке терминологического фонда должен быть тщательно учтен запас слов и использованы все ресурсы национальных языков.

Таким образом, перевод иностранного или русского термина возможен путем замены его однословным эквивалентом; это — третий способ усвоения термина.

Например, „неудачный *дебют*“ по мордовско-эрзянски передается: „Васень лисемась а ён“, по мордовско-мокшан-

---

*) См. № 20.

ски: „Аф удалаф лисемась“, т. е.: „неудачное (первое) выступление“.

Русский термин „громоотвод“ по-ассирийски передается составным словом: „doqənbirqə“ („хватаящий молнию“), которое образовано по аналогии с другими составными словами ассирийского языка.

При передаче иностранного или русского научно-технического термина родным словом возникают разнообразные трудности. Так например, для передачи слова „пластинка“ в сочетании „граммофонная пластинка“ на мордовско-мокшанский язык наряду с заимствованным русским „пластинка“ употребляется также слово „пачкалга“, обозначающее „сковородка“; таким образом получается сочетание: „граммофонная сковородка“. Если ввести такое словоупотребление в повсеместный обиход, это не будет способствовать обогащению языка. Целесообразнее найти слово, образованное по законам родного языка. Таким могло бы быть в данном случае, например, слово „шарамкс“ („круг“). Сочетание с более общим словом: „граммофонный круг“ не вызывает таких искаженных бытовых ассоциаций, как сочетание „граммофонная сковородка“.

Вводя неологизмы или мобилизуя неиспользуемые лексические запасы родного языка, переводчик должен содействовать рациональному продвижению таких терминов в массы. В этом смысле небольшой толковый (одноязычный) словарь, прилагаемый к учебной книге, может оказать важную услугу. Так, в книге И. Ф. Прокаева „Мордовский язык“ (М. 1933) на мордовско-эрзянском языке в конце грамматики приложен словарь малоупотребительных слов, частично исчезнувших из лексикона мордовского языка в силу преобладания в обиходной речи русских слов.

При замене иностранного или русского термина равнозначным родным словом переводчик должен, с одной стороны, избегать различного перевода одних и тех же терминов и стремиться к возможному единообразию, а, с другой стороны, он должен избегать применения одного и того же слова для передачи существенно различных понятий. Так, в мордовско-эрзянском переводе учебника геометрии одним и тем же словом „васодеви“ переданы такие различающиеся между собою понятия, как „пересекаются“, „совпадают“ и „встречаются“. Или переводчик учебника зоологии словом „сан“ переводит и „сухожилия“, и „сократительные фибриллы“, и „кровеносные сосуды“ (этого отнюдь не оправдывает

тот факт, что в крестьянских говорах „кровеносные сосуды“ называются „жилами“).

Принятая передача термина родным словом должна быть выдерживаема последовательно и единообразно.

И, наконец, четвертый способ воспроизведения термина — описательная передача.

Есть слова-термины, которые переводчик вынужден передавать описательно — не только за отсутствием однословного эквивалента в национальном языке, но иногда и потому, что соответственное понятие чуждо данной национальности. Так, при переводе надписей глобуса на карачаево-балкарский язык пришлось передать слово: „остров“ сочетанием: „морской курган“, что для данного языка явилось новообразованием. И всё же этот путь предпочтителен, поскольку единого международного термина для понятия „остров“ не существует, введение же русского слова всё равно потребовало бы расширительного истолкования.

Слово: „небосвод“ по мордовско-мокшански могло быть выражено лишь описательно: „менельть няеви пяльксоц“ („видимая часть неба“).

При переводе отвлеченного понятия „разный“, „различный“ на мордовско-мокшанский язык переводчики предпочли описательную передачу: „аф фкя фкянь кодяма“ („друг на друга непохожий“) ассимилированному русскому слову „рознай“.

Возражения, указывающие на „полуйскусственный“ или „искусственный“ характер таких описательных передач, вряд ли могут являться решающими: в эпохи напряженного языкового строительства словотворчество, наряду с заимствованием, всегда было одним из источников обогащения языка. Кто в настоящее время стал-бы возражать против употребления слова: „носильщик“, ссылаясь на его „искусственность“? А, между тем, в определенную эпоху слово это представлялось вполне искусственным, будучи образовано и введено в литературу Карамзиным. Литературные языки некоторых национальностей СССР только после Октябрьской Революции получили возможность развивать свою культуру и находятся в процессе оживленной стройки. Поэтому многие слова и выражения в них на данном этапе могут еще не быть общим национальным достоянием.

Гораздо серьезнее другое возражение: при передаче международных и русских терминов словами национальных языков приходится сталкиваться с проявлениями узкого языкового пуризма.

Главным объектом борьбы за ложно понимаемую чистоту языка обычно являлись и являются иностранные слова. Это наблюдалось в самые разнообразные литературные эпохи. Так, националистически настроенный дворянский поэт Н. М. Языков писал в 1824 г. об „Орлеанской деве“ Шиллера в переводе Жуковского: „Мне Жуковский досадил в этом переводе только тем, что употребляет иностранные слова — и притом все такие, которым в нашем языке есть совершенно равносильные: напр., армия, партия, нация, марш; хотя они нисколько не мешают верности перевода, но что в них, когда есть свои и благозвучнейшие: воинство, сторона, народ, ход?“

• При подобных заменах прежде всего искажается классовое содержание, заключенное в политических терминах.

При переводе „Коммунистического манифеста“ на казакский язык сказалась „тенденция, не соответствующая интересам казакского промышленного и сельского-хозяйственного пролетариата — охранять „чистоту“ казакского языка, ограничивая его развитие языковыми нормами, установившимися в эпоху господства производственных отношений степного феодализма“ (акад. А. Н. Самойлович).

Так, в этом переводе для передачи слова: „революция“ применяется совершенно неудачный перевод, введенный ранее казакскими националистами; „əzgeris“, что значит: „изменение“. Искажающее действие его распространяется и на производные: „революционер“ и „революционный“, которые передаются словом „əzgeriscil“, т. е. „склонный к изменениям“^{*)}.

Так и в карельском языке установлены случаи „перевода“ слова „революция“ через „низвержение (опрокидывание) власти“.

В татском языке слово „эксплуатировать“ передавалось: словом, обозначающим: „заставлять работать“.

В русско-марийском словаре (1928) слово „коммунист“ давалось в транскрипции: „комунис“, но также и в переводе марийским словом: „пырлязз“, что значит: „совместный“.

В белорусском языке имела место даже передача слова „баррикада“ словом „загородка“.

Такие факты являются прямым языковым вредительством, вскрывать которое и бороться с которым наряду с языковедом призван и переводчик.

^{*)} См № 23.

Интересно отметить, что в современной Германии замена иностранных слов немецкими является одним из средств, которыми германские фашисты пытаются скрыть от рабочих масс истинную классовую сущность явлений, выражаемых этими словами. Так, в „Словаре для немецкого перевода иностранных слов“ фашистского пуриста Эдуарда Ангеля имеются такие перлы „истолковывающего перевода“: „милитаризм — непобедимое германство, стойкость, выдержка, народ в оружии, власть меча“, „шовинист — всецело проникнутый отечественным духом человек“!

Советский переводчик на национальные языки обязан беспощадно бороться со всеми проявлениями языкового пуризма, тормозящего как усвоение наследия классиков марксизма, так и дело овладения техникой.

Выработка единой терминологии на национальных языках должна базироваться на законах и особенностях развития самих этих языков. Эта работа должна быть увязана с углубленным изучением живой разговорной речи и лексического запаса национальных языков. Один из основных моментов этой работы — построение двуязычных русско-национальных словарей, к которому должно быть привлечено серьезное внимание работников науки и техники и политических работников.

6. Выбор слов.

Перевод художественной прозы ставит свои, особые задачи по отношению к выбору слов. Слова здесь не являются серым, безликим стадом — они имеют разнообразную окраску, которая отличается признаком социальным, местным, временным и т. д. Из многих значений слова должно быть тщательно выбрано именно то, которое нужно для данной цели. Выбор слов — весьма ответственный момент в переводе.

Вводя в описание местные языковые особенности — диалектизмы — автор ярче оттеняет место действия или говор данного лица, отличный от говора других действующих лиц. Если же в рассказе выступает представитель определенного класса, профессии, местности, или если автор как бы сам становится на его место и ведёт всё повествование от первого лица, речь обычно еще разнообразнее окрашивается по своему словарному составу. Уясняя себе социальное положение действующих лиц, переводчик должен, по возможности, также отразить разнообразие словесных ок-

расок в их речи, находя им соответствующие в своем языке: как и автор, переводчик должен заставить действующих лиц говорить характерным для них языком, чтобы сделать описание возможно более убедительным.

При переводе произведения, в языке которого встречаются диалектизмы, переводчик может передать их соотношение с общелитературным окружением рассказа — с тем языковым фоном, на котором они выступают.

В рассказе Короленко: „Холопские дети и барские щенята (Рассказ ямщика)“ встречается фраза: „Пошел по собачарам шум, пошла по дворне *булга*“. К слову „булга“ в „Хрестоматии по лигатуре“ С. Браиловской и М. Рыбниковой дано пояснение: „тревога, суета“. В мордовско-мокшанском переводе данной хрестоматии (М. Ульмова) слово это передано при помощи соответственного диалектизма „такол-дома“ („суетня“).

Но передачу диалектизмов подлинника соответственными словами из разных диалектов данной языковой группы следует применять лишь постольку, поскольку это не вредит ясности и понятности перевода, помня, что засорение языка диалектизмами разрушает его единство.

В тех случаях, когда слово другого языка, проникшее в русский язык, оказывается для национального языка иностранным словом, переводчик может передать его своим родным словом, как бы включая пояснение в самый перевод. Например:

Ходит по *аулу*...

(Л. Толстой).

Направо *сакля* татарская

(Л. Толстой).

Якай велеть кувалмос
(т.е. „по деревне“).

(Мордовско-мокшанск. перевод).

Види шириса татаронь
куд (т. е. „дом“, „изба“,
хижина“).

(Мордовско-мокшанск. перевод).

Иногда диалектизм выражается не в выборе специально местного слова, а в фонетическом варианте общелитературного слова. Это наблюдается в тех случаях, когда автор воспроизводит формы устной речи, например, пользуется языком деревни. Тогда и переводчику нет надобности вводить в текст областные слова — он должен передавать такие формы словами, взятыми из живого, правильного литературного языка, избегая лишь искусственных, книжных слов и оборотов, далеких от жизни.

Например, в рассказе Серафимовича „Стрелочник“ в толпе говорят: „Баба теперича завоюет“. В мордовско-мокшанском переводе это может быть передано: „Авац тяни кармай аварть кшнема“; но вместо „кармай аварть“ лучше сказать „уркодозеви“, что приблизит перевод к живой разговорной речи.

Употребление профессионализмов в художественной прозе свидетельствует, большей частью о реалистической установке писателя и о стремлении к социально-культурной верности изображения. Одинаковые профессионализмы встречаются в языке различных классов (например, и в языке эксплуататора-рыбопромышленника и в языке эксплуатируемого рыбака, в языке директора железной дороги и в языке стрелочника), поскольку одинаковая профессия объединяет представителей различных классов. Переводчик должен помнить это и по возможности сохранять оттенки речи действующих лиц. То, что было сказано о способах передачи терминов, относится также к передаче профессионализмов.

При переводе образцов художественной литературы в учебных книгах встретятся также архаизмы, т. е. старинные слова и обороты, заметные в языковом окружении.

Наличие архаизмов может объясняться самой эпохой написания произведения, оставившей след на его языке, и в этом случае воспроизведение их в переводе нельзя считать обязательным. Таковы, например, служебные слова в „Дубровском“ Пушкина:

При сей острой шутке...

В сие время...

Ободренные разбойники воспользовались сей минутою недоумения.

(Троекуров насмехался над губернатором, исправниками и ротными командирами), от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Нят валхнень азомок...

Ся пингста...

Кенятьф разбойникне тязводема пингть эзда.

...контанень эзда Дубровскайсь проксь тушенць апак токсек.

(Мордовско-мокшанский перевод).

Непередача архаизмов в таких сочетаниях имеет и свою положительную сторону: читатель-национал не ощутит, что в этом месте языковая ткань, обветшала от времени, и не будет отвлекаться от содержания.

Устарелым, архаистическим является иногда характер сло-

воупотребления: знакомое слово имело, оказывается, в более ранний период другое значение. Переводчик должен учитывать это и переводить точное значение слова, а не факт устарелого словоупотребления.

Так, слово: „пустынный“ в языке пушкинской эпохи означало: „одинокий“. Мордовско-мокшанский переводчик „Дубровского“ не учел этого и перевел фразу: „Она описывала ему свою пустынную жизнь“ так: „Сон тейнза сёрмчнесь эсь пяк *шава* эряфонц колга“, т. е.: „свою *пустую* жизнь“. Правильный смысловой перевод должен был быть таков: „Сон теэнза сёрмадкчесь ськалонза эряманц колга“.

Но архаизм может быть употреблен писателем для уточнения характеристики исторического прошлого и его социальных групп (например, в романе Алексея Н. Толстого „Петр I“), а также для усиления иронии в произведениях сатирических (например, речи „отцов духовных“ у Демьяна Бедного). В говоре попов, выводимых в русских литературных произведениях, архаизмы (церковно-славянские слова и речения) употребляются как прием добавочной характеристики, как своего рода „профессионализмы“. Передача их представляет трудности.

Пример:

Поп прикрикнул:

— Не гневи господа!..

А то гореть тебе в печи
огненной.

(Серафимович).

Попсь торазевсь ланго-
зонза:

— Тяк кяжияфне шкайтъ!.

Тянгса кармат тон палома
толть потмоса.

(Мордовско-мокшанск. перевод).

Здесь буквальный перевод: „в огненной печи“ мог бы быть воспринят в прямом, а не в переносном значении, и текст оказался бы недостаточно понятным: в национальном языке в данном случае нет такого соответствующего старого слова, как „пещь“ в подлиннике. В переводе сказано: „А то будешь гореть вогне“, что в устах попа должно звучать именно как угроза.

Передача архаизма вообще возможна тогда, когда в переводящем языке имеется слово, выражающее то же понятие, но принадлежащее другому периоду в жизни языка (как например в русском: „палец“-„перст“). Когда же такого архаического дублета нет — данным оттенком приходится жертвовать.

Например:

На него старуха не взгля-
нула,
Лишь с очей прогнать его
велела.

(Пушкин).

Сон лангозонза изь варжа-
кста,
Аньцек сельме ингельдензе
мярьгсь панемдонза.

(Мордовско-мокшанск. перевод).

В переводе сказано просто „с глаз“.

Иностранные слова в художественной прозе могут служить выразительным средством подобно диалектизмам (ср. выше стр. 31—32). Но это не распространяется на заимствованные слова, укоренившиеся в языке. В переводе они либо могут быть сохраняемы в неизменной форме, с пояснением в сноске или в скобках, например,

В углу находился жен-
ский серебряный туалет и
трюмо.

(Пушкин).

Ужеса ащесь сиянь авань
туалет и трюмо (шамвар-
жама).

(Мордовско-мокшанск. перевод).

либо могут заменяться соответственными родными словами, если значение их совпадает совершенно точно.

Пример:

На площади остаются смя-
тые цветы, бумажки от кон-
фет, веселая группа *факино*.

(Горький. „Забастовка в Парме“).

Плошадти лядондыхть пиль-
галу тапаф панчфне, конфе-
ттенень эзда каготкятне и
сталмонь каниень еся ла
мар.

(Мордовско-мокшанск. перевод).

В русском тексте содержится итальянское слово, но в переводе оно заменено соответственным национальным („носильщики“).

В применении к переводам западно-европейских писателей на русский язык теоретик перевода Андрей Федоров *) указывает на то, что иностранное слово может иногда являться одним из средств оживления стиля, средством „словесной пестроты“. Но в переводах с русского на национальные языки момент этот едва ли можно считать существенным на данном этапе.

*) См. № 1.

7. Ошибки переводчика.

а) Искажения.

Первой и наиболее важной погрешностью всякого перевода является искажение смысла.

Оно происходит от неправильной передачи отдельных слов, входящих в состав предложения, или от неправильной передачи целых высказываний. Объясняется это либо неполным знанием одного из двух языков, либо незнакомством с данным понятием, либо, наконец, небрежностью в выборе слов и оборотов.

Не вчитываясь пристально в текст, переводчик может, например, перевести фразу: „Выживают наиболее удачно окрашенные бабочки“ в стабильном учебнике зоологии на мордовско-мокшанский язык: „Сяда лац архфтне“, что значит: „Выживают наиболее хорошо окрашенные“. Это вносит путаницу в определенное понятие: определение „удачная окраска“ в оригинале говорит об окраске относительно целесообразной для данных условий среды, но не о красоте, густоте или яркости той или иной окраски. Точный перевод должен быть: „Сяда удалафста архтфне“.

Такие искажения происходят иногда и оттого, что переводчик не разграничивает сферу применения переводимого слова. Одни и те же слова, как уже было упомянуто, могут быть употребляемы в языке и в прямом, непосредственном значении, и в качестве термина (обозначая уже нечто иное — ср. выше стр. 24), и, наконец, в значении переносном.

Так, в докладе И. В. Сталина XVII партсъезду (1934) есть фраза: „Эмбарго было снято потом, но неприятный осадок от этих наскоков всё еще дает знать о себе во всем, что касается отношений между Англией и СССР“. В немецком переводе доклада*) вся эта фраза переведена точно, и слово „осадок“ в ней также имеется, но тот „осадок“ (Niederschlag), о котором говорится в немецком переводе, употребляется в немецком языке лишь применительно к атмосферным осадкам; это слово представляет собой только термин и не употребляется иносказательно, как русское „осадок“. Немецкий переводчик должен был передать это выражение, как „неприятный привкус“ („Beigeschmack“ или „Nachgeschmack“).

*) Издательство иностранных рабочих в СССР, М.-Л. 1934, стр. 26—27.

Не вникая в сущность грамматической формы, встретившейся в переводимом тексте, переводчик может ошибочно передать фразу: „Мы решили ряд труднейших задач“ — „Мы решили *гораздо более трудные задачи*,“ как это случилось в немецком переводе речи И. В. Сталина „О задачах хозяйственников“^{*)}.

Неправильное расчленение фразы также может вызвать искаженный перевод: В той же речи И. В. Сталина говорится: „Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество. Они делают свое дело, наше дело, хорошо, поддержим их против капиталистов“. Последнюю фразу немецкий переводчик расчленил неправильно, отнеся „хорошо“ не к сказуемому „делают“, а выделив его в самостоятельную часть высказывания: „Они делают свое дело, наше дело; хорошо, поддержим их против капиталистов.“ В результате получился такой перевод: „Die Sache, die sie vollbringen, ist ihre Sache und unsere Sache; gut, unterstützen wir sie gegen die Kapitalisten“, т. е.: „Дело, которое они делают, это их дело и наше дело; ладно, давайте, поддержим их...“ и. т. д.).

В близких между собою языках одною из причин неточного перевода слов являются случайные совпадения их звучания — например, украинское слово „старець“ означает по-русски не „старец“, а „нищий“, украинское „зірочка“ — не „зорька“, а „звездочка.“^{**)}

Иногда переводчик не различает в переводимом языке слова, случайно близкие по звучанию, но резко расходящиеся по смыслу. Например, вместо „*лисье* ухо“ в рассказе Чехова „Каштанка“ (речь идет о „молодой рыжей собаке, очень, похожей мордой на лисицу“) ассирийский переводчик прочел и перевел „*лысове* ухо“, вместо: „Искры полетели огненной метелью“ (Пушкин) мордовско-мокшанский переводчик написал: „Искры полетели огненной *метлою*“ („Искратне мийсть толонь тьялмеса“).

Так смешиваются иногда иностранное, заимствованное и родное слово. Например, казакский переводчик „Коммунистического манифеста“ принял „древний Рим“ за Грецию

---

^{*)} Перевод, выпущенный издательством иностранных рабочих в СССР (1931).

^{**)} См. № 3 и 19.

на том основании, что ему известно современное турецкое значение слова „gim“ — „грек“, и оттого вместо слов: „В древнем Риме“ в переводе оказалось: „У древних греков“*)

В других случаях искажение происходит от неточного употребления родного слова.

Так, при переводе „9-го января“ М. Горького на мордовско-мокшанский язык слова: „Всхлипывали бабы“ оказались переданными следующим образом: „Летьнясть анатке“. А это значит: „Икали бабы“. Такого искажения отнюдь не оправдывает то обстоятельство, что в мордовском языке нет точного эквивалента для русского слова „всхлипывать“ — его надо было передать описательно, но возможно ближе, например: „ольки“ („тихо плакали“).

Неразличение видовых форм глаголов в переводящем языке может привести не только к шероховатости, но и к прямому искажению смысла. Если написать в переводе: „Только благодаря труду человек становился человеком“, то смысл окажется тот, что человек когда-то становился человеком, а теперь — опять не человек. Вместо „становился“ надо, конечно, написать „стал“. Неправильностями и непоследовательностью в употреблении видовых форм грешили и грешат до сих пор русские переводы.

Переводчик должен критически относиться к изданию, с которого он делает перевод, так как текст многих оригинальных учебников (и другой литературы) нередко страдает опечатками, извращениями и ошибками в научном отношении. Переводчик должен выправлять замеченные недочеты, делая нужные оговорки в переводе и обращая на это внимание соответствующих органов. Ошибки подлинника не должны быть переносимы в перевод.

Искажения языковых фактов могут привести к общеполитическому искажению данной мысли и тем самым — к искажению идеологии всего переводимого текста.

Так, если мордовские переводчики раньше передавали слово: „соревнование“ сочетанием: „фкя-фкянь ётазь“, то смысл социалистического соревнования сводился к конкуренции, к работе „в перегонку“. Если русско-марийский словарь (1928 г.) предлагал для слова „большевик“ перевод: „кугэштышэ“, то такое искажение понятия могло быть использовано классовым врагом, потому что данное марийское слово означает: „зазнающийся“, „считающий себя большим“.

*) См. № 23.

Искажения в переводах — одна из опасностей, с которыми приходится бороться не только при построении терминологии, но и при создании фонда общественно-политической и учебной литературы на национальных языках.

б) Дословщина.

Совершенно очевидно, что для перевода хотя бы наиболее просто и экономно построенного лозунга на национальный язык недостаточно подставить слово за словом на место русских слов, а надо знать формы и законы того языка, на который делается перевод.

Между тем, даже в переводах учебных книг, где плавность языка может нарушаться менее, чем где-либо, встречаются предложения, переведенные не по смыслу, а механически, формально — в таком порядке слов и словосочетаний, в каком они расположены в русском тексте. Такой прием покоится на ложной предпосылке, будто слова одного языка имеют раз навсегда пригвожденные к себе эквиваленты и что, следовательно, перевод состоит именно в подстановке слов. Корни этого уходят в отжившие языковедческие теории и в старые схоластические методы преподавания языков.

Сохраняя русскую форму построения предложений, переводчик разрушает органические формы своего родного языка. Получается не марийское, мордовское, ассирийское, карельское и т. д. предложение, а русское предложение, механически составленное из марийских, мордовских, ассирийских, карельских и т. д. слов. Живая речь таких оборотов не допускает. Всякое место, переведенное так, становится для учащихся соответственной национальности не более (а может быть, даже и менее) понятным, чем русский текст.

Дословщина также может распространяться на слова, словосочетания и предложения.

Так, если мордовско-мокшанский переводчик точно копирует слово „загляденъ“ во фразе: „Не собака, а загляденъ“ — получается такая бессмыслица, как: „Аф пине, а лаголонза вагондама“ — „Не собака, а на нее смотрение“.

Если ассирийский переводчик передает сочетание „зима на носу“ через „sitve al pəxijrə“, то получается, что зима находится „на носу“ у человека — в прямом значении.

Переводчик должен учитывать соотношение слова с контекстом, который его окружает. Выше было указано, что

слово часто выступает в таких сочетаниях, где его самостоятельное значение растворяется в общем целом и дает новое единство. В таких случаях переводчику приходится прибегать к аналогам и заменам (см. выше стр. 15), а не переводить дословно.

Если в тексте говорится, что в каком-либо вопросе существовали „различные течения“ и марийский переводчик скажет: „Турло йогын“, то это даст только одно из значений слова „течение“—течение реки. Правильный перевод по контексту должен быть: „Турло шонымаш“ (марийск. лугов.).

Дословный перевод часто бывает связан с не различием идиом в речи или переносного значения слова от прямого.

Если мордовско-мокшанский переводчик передаст словосочетание: „Горькая жизнь“ через „Сяпи эряфь“, то это будет переводом не цельного словосочетания, как требуется здесь по смыслу, а грубо механическим переводом отдельных составляющих его слов. В переводе тоже получается „Горькая жизнь“, но для мордовского читателя это будет столь же непривычным, как для русской речи чуждо было бы сочетание: „Соленая жизнь“. В мордовско-мокшанском языке это слово употребительно в прямом значении—„горькая на вкус“. Для того, чтобы передать смысл подлинника, выражаемый словом „горькая“ в переносном значении, т. е. „горестная“, „безотрадная“, „тяжкая“—перевод должен быть таков: „Сюдоф эряф“ или „Стака эряф“.

Фразу: „Ученье не свой брат—оно хоть кого в бараний рог согнет“ (Гончаров „Сон Обломова“) ассирийский переводчик перевел слово в слово, вследствие чего получилась бессмыслица, едва даже поддающаяся обратному переводу: „Qreta lelə əxipə d gənu: əj bajjət mənij bit tərāl al qənə d vana“. Ученье здесь оказывается „не братом“ кого-то, предлог „в“ употреблен, как в ответе на вопрос „куда?“, т. е. „внутри бараньего рога“. Другая передача того же выражения по-ассирийски: „Qreta lelə həsənəj: kul d həvi min jimmu surə bit odəli“, в обратном переводе: „Ученье—вещь не легкая: оно кого угодно сделает меньше своей матери“ (последнее является аналогом—идиоматическим выражением, означающим: „пришибить“ или „зашибить“).

В стабильном учебнике истории А. И. Гуковского и О. В. Трахтенберга („Эпоха феодализма“) встречается фраза: „Древние авторы из рядов мелких и средних землевладельцев не жалеют красок, описывая самоуправство патронов“. Мордовско-мокшанский переводчик пишет: „Мелкай

и средний землевладелецта лисьф древний авторхне изезь ужалдя краскатнень, мзярда сермачность патронатнень самоупавленияснон колга“, в обратном переводе: „Древние авторы, вышедшие из мелких и средних землевладельцев не жалели красок на то, чтобы описать самоуправство патроннов“, т. е. не жалея изводили, тратили „краски“ в прямом, предметном значении красящего вещества. Перевод может быть таков: „Мелкий и средний землевладелецнень еткста лисьф сядонгельдень авторхне ашезь ужалде эсь мазы валснон, мзярда сермадкшесть патронатнень самоупавленияснон колга“. В этом переводе „краски“ поняты и переданы, как средства словесного выражения, что и требуется контекстом.

Механическая передача всякого крупного синтаксического целого, сложного предложения или периода без необходимого изменения его конструкции приводит к еще худшим результатам, чем отдельные бессмыслицы в общем ходе изложения — она создает тот специфический „язык плохих переводов“, против которого справедливо возражают писатели, критики и языковеды. Результат дословщины — не только стилистически обезображенная речь, но и смысловая непонятность. Переводчик должен мыслить только на своем языке, помня, что его задача — передать текст средствами родного языка, а не дать представление о структуре чужого.

Точность и дословность перевода взаимно исключаются.

в) Смазывание.

Если дословщина представляет собою серьезное зло в переводной литературе, то противоположной крайностью будет смазывание (обозначаемое также сглаживание, нейтрализация, нивелировка). Оно имеет разные степени. Особенно часто оно проявляется, как обезличивание стиля: перевод дает не полное, а лишь общее, приблизительное представление о тексте, ослабляя его выражение.

Сказать, например: „Он довольно храбрый человек“ — далеко не то, что сказать: „Он не трус!“, если в подлиннике сказано так.

Например, у Шолохова в рассказе „Червоточина“ говорится: „Яков Алексеевич — стариннойковки человек“. В мордовско-мокшанском переводе: „Яков Алексеевичсь — ломаньць сире пингень“, т. е. просто: „старинный человек“.

У Горького в рассказе „Дед Архип и Ленька“ говорится о небе, „по которому быстро летела густая толпа черных

туч, утопившая в себе луну". В переводе на марийский (лугов.) язык сказано: „Каваштэ нугыдо шэм пыл-влак тўшкан пысын кайат, тылчым лэвэдыныт“, т. е.: „На небе густые черные тучи кучами быстро идут, покрывая луну“. Образное словоупотребление: „Тучи, утопившие в себе луну“ не передано равноценно.

В своей речи „О задачах хозяйственников“ И. В. Сталин говорит: „Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса“ и продолжает: „Без такой поддержки нас давно расклевали бы“. Если в немецком переводе этой речи*) говорится: „Ohne diese Unterstützung hätte man uns längst geschluckt“, т. е. буквально: „Без такой поддержки нас давно проглотили („скушали“) бы“, то это даст совершенно иной, фамильярный тон, ничуть не соответствующий образному, энергичному выражению подлинника. Если переводчик напишет: „Ohne diese Unterstützung wären wir längst zugrunde gegangen“, т. е.: „Без такой поддержки мы давно погибли бы“, то этим смазывается образ, заключенный в подлиннике — стая хищных птиц, нападающих на свою добычу. Переводчик должен пристально вчитаться в подлинник и передать глагол „расклевать“ не формально одним словом, а соответственно перестраивая всё предложение, например: „Ohne diese Unterstützung wären wir längst zum Geierfraß geworden“, т. е.: „Без такой поддержки мы давно стали бы добычей хищных коршунов“.

В немецком переводе партизанских повестей Всеволода Иванова („Бронепоезд № 14-69“, „Цветные ветра“, „Партизаны“) вместо метафоры: „Шестой день увядал“ сказано: „Шестой день подходил к концу“. Эмоционально окрашенное описание революционного восстания в городе: „Потом глубже к главным улицам, разрезая радостью сердце, ударили улицы пулеметами, винтовками, трамваями. Заревела верфь“ — упрощено и обесцвечено: „Затем затрещали пулеметы, всё более и более приближаясь к центру, трамваи понеслись по улицам. Заревели гудки на верфи“.

В таких случаях критик говорит обычно, что перевод по сравнению с подлинником „сделан более вялым языком“. Однако, если вникнуть в такие обезличивающие переводы, станет ясно, что дело гораздо серьезнее. Приблизительная

---

*) Перевод, выпущенный издательством иностранных рабочих в СССР (1931).

передача текста тем опаснее, чем незаметнее она искажает выраженный в подлиннике смысл. Так, если русское „очень немного“ переводится по-украински: „не дуже багато“, то это будет не только ослаблением, но искажением, потому что вместо „очень мало“ переводчик сказал: „много, но не очень“.

Перегруппировка элементов предложения, вполне допустимая при всяком переводе, не должна нарушать того хода мысли, который имеется в подлиннике. Если в подлиннике сказано: „Нет в лесу того раздолья, как в поле, но хорошо в нем в жаркий полдень“, то перевод: „В лесу нет такого простора, как в поле. В нем хорошо в середине жаркого дня,“ правильно передающий смысл, смазывает противопоставление поля и леса, которое является осью всего предложения.

Переводчики часто допускают такие приблизительные переводы, желая быть „понятными“; но понятность в переводе отнюдь не означает упрощенства.

Случаи, примеры которых сейчас приводились, ослабляют силу и красочность выражения. Но разрушения, производимые таким переводом в мельчайших клеточках языка, могут отразиться на передаче идеологии переводимого произведения. В истории перевода известны случаи, когда перевод в руках враждебного класса становился средством „обезвреживания“ известного литературного или политического текста, социальную направленность которого важно было замаскировать.

Так, в немецком переводе Конституции СССР в немецком научном журнале „Jahrbuch des öffentlichen Rechts“ (Ежегодник публичного права), том XIV, 1926, наблюдается целая последовательная система изменений. Примером может служить первый раздел Конституции — „Декларация об образовании Союза Социалистических Советских Республик“. Всё, что относится к характеристике капитализма, в этом переводе последовательно смягчается: империалистические „зверства“ становятся „жестокостью“, капиталистическое „окружение“ — простой „обстановкой“ (Umgebung), вместо „системы эксплуатации человека человеком“ неопределенно говорится о „народах, живущих при системе эксплуатации человека человеком“. Наоборот, всё, что относится к социальной сущности Советского Союза, тщательно замаскировывается: Советская власть оказывается интернациональной не „по своей классовой природе“ (как в русском подлиннике), а „по своему существу“, слова о новом союзном государстве,

как о „верном оплоте“ против мирового капитализма, переводятся: „подлинная опора“ (wahre Stütze), чем значительно ослабляется их сила и выразительность.

Если в буржуазных западных переводах советских литературных и социально-экономических текстов это осуществляется, как борьба с социальными тенденциями произведения, то в советском переводе на национальные языки такое смазывание должно расцениваться, как грубая политическая ошибка, а в иных случаях — и как особая форма вредительства на языковом фронте.

Недопустимо передавать: „Широко и глубоко кооперировать население“ через: „Кооперировать *всё* население,“ или: XVI съезд партии „объявляет взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)“ в такой форме: XVI съезд партии „показывает, что взгляды правой оппозиции *неодинаковы* с пребыванием внутри партии“, как это имело место в мордовско-мокшанских переводах.

Вскрытие и критический разбор смазывающих переводов — одна из задач национального языкового строительства.

г) Произвольные изменения текста и перевод-пересказ.

Наряду с обезличиванием и смазыванием при переводе приходится наблюдать и прямое укорочение, сокращение текста. Иногда пропуски не ограничиваются словом или частью предложения, а распространяются на целые предложения и даже на абзацы. Необоснованные сокращения недопустимы, если только переводчику не было поставлено специальное задание — дать сокращенный перевод (о чем ниже).

Приведенная выше фраза из Шолохова: „Он лежал, глядя на бисерное небо“ в мордовско-мокшанском переводе учебника литературы В. Голубкова и Л. Мирского была передана так: „Сон ащесь мадозь, ванць менельть лангс“, с пропуском метафорического эпитета „бисерный“, что обеднило текст (ср. перевод: „сверкающее блёстками небо“, стр.23).

Другой пример:

Я нарочно скажу, как ты
для меня оладьи воруюшь,
вилки в затылке!

(М. Горький).

Мон нарочно азса, кода
тон тейнь какуркат салсят!

(Мордовско-мокш. перевод).

В этом переводе выпущена прибаутка, характерная для насмешливо-грубого обращения парня с матерью, о котором говорит Горький.

При таком произвольном выбрасывании частей фразы опять-таки легко может быть искажена заключенная в ней политическая мысль.

В татарском переводе „Коммунистического манифеста“ М. Максута (1929) вместо слов: „Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества“ сказано: „Французская и английская аристократия по самому историческому ее положению писала памфлеты против современного буржуазного общества“*)

В учебной книге Тетюрева по естествознанию для 4-го года обучения начальной школы говорится: „В царской России культура хлопчатника была слабо развита и очень много хлопка ввозилось“. В мордовско-мокшанском переводе это выражено усеченно: „В царской России много ввозилось хлопка“, что скрывает истинную причину большой зависимости царской России от иностранного хлопка.

Наряду с пропусками в некоторых переводах наблюдается тенденция к раширениям и дополнениям (чего не надо смешивать с расширением объема предложения и с описательной передачей понятия, о чем говорилось выше).

Например, фраза „Коммунистического манифеста“: „Коммунизм признается уже силою всеми европейскими властями“ в казакском переводе приобретает такой облик: „Все европейские страны признают коммунизм силою, боятся коммунизма, считаются с коммунизмом“.**)

В некоторых случаях переводческий произвол доходит до того, что в переводном тексте трудно уже уловить, что именно выпущено, что прибавлено и что смазано: перевод переходит в сплошной приблизительный пересказ подлинника.

Например, у Фурманова в „Красном десанте“ говорится: „Взволновалась, встревожилась Кубань. Ощетинилась полками 9-й армии, наспех сколоченными отрядами добровольцев“. В мордовско-мокшанском переводе этому отрезку соответствует одна фраза: „9-кса армият пуроптозь полкснон,

---

*) См. № 20.

**) См. № 23.

конат ащестъ доброволцень отрядста“, т. е.: „Девятая армия (собственно даже: „Девять армий“) объединила свои полки, которые состояли из добровольческих отрядов“. Смазывание и пропуски соединились в одном этом небольшом предложении, превратив его из перевода в отдаленный пересказ.

Отрицать пересказ как способ передачи текста, разумеется, не приходится, но он не должен подаваться под видом перевода; сферы их должны быть точно разграничены.

В редакционной практике известны обозначения для таких видов воспроизведения, выставляемые на титульном листе книги: „перевод с сокращениями“, „сокращенный перевод“, „перевод и обработка“ и, наконец, просто, „обработка“ (например, для юношества). Всё это должно быть точно оговорено, чтобы читатель знал, какую передачу текста он имеет перед собою. И само собою разумеется, что всякий пересказ должен совершенно точно отражать идеологию переводимого текста.

Дословщина и смазывание — это крайние полюсы плохого перевода. Недоброкачественность дословного, механического перевода заметна „невооруженным глазом“. Недоброкачественность смазывающего перевода становится заметной лишь при обстоятельном сличении; на первый же взгляд такой перевод может, наоборот, произвести впечатление гладкости и литературности. Тем решительнее необходимо бороться с этим злом в переводной практике.

8. Заключение.

Средствами языковой передачи перевод освещает классовую сущность литературных произведений прошлого и настоящего. И если в руках буржуазии практика перевода вела в разные эпохи к искажению или выхолащиванию этой классовой сущности, то в условиях культурной работы, созданных в Советском Союзе, может и должен быть выработан метод действительно адекватного перевода.

Из сказанного вытекает и основной критерий в оценке всякой переводческой работы: правильна ли политическая установка при переводе социально-экономического и литературного текста; ибо часто трудность заключается в передаче самой мысли, как бы отчетливо она ни была выражена в подлиннике. Всякий перевод является социальной интерпретацией произведения. Как совершенно правильно отмечено акад. В. М. Алексеевым, переводчик Ленина на ино-

странный язык „должен прежде всего быть убежденным ленинцем и говорить на полномправном ленинском языке“.*)

Переводчик ищет в содержании, в тематике переводимого произведения его социальный смысл; содержание же раскрывается через язык. И поэтому точность и идеологическая сознательность в переводе неотделима от полной сознательности в работе над языком и стилем произведения: они составляют неразрывное единство, и усвоить это положение обязан всякий переводчик, желающий, чтобы его перевод действительно обогатил литературу национального языка. А это требование должно быть основным.

Указатель литературы.

В указатель включены вышедшие после 1917 г. издания (на русском и украинском яз.), которые могут представить для переводчика наибольший интерес. В книгах №№ 1, 3, 4, 7 и 9 даны также дальнейшие указания русской и иностранной литературы.

1. К. Чуковский и Андрей Федоров. Искусство перевода, Л. изд. „Academia“, 1930.

2. Ф. Батюшков, К. Чуковский, Н. Гумилев. Принципы художественного перевода. 2. изд. П., Госуд. издательство, 1920.

3. А. Финкель. Теория и практика перекладу (на украинском яз.). Харьков, Госуд. изд. Украины, 1929.

4. М. П. Алексеев. Проблема художественного перевода. Иркутск, издание Иркутского университета, 1931.

5. В. Н. Державин. Проблема віршованого перекладу (на украинском яз.). „Плужанин“ 1927, № 9—10.

6. Андрей Федоров. Проблема стихотворного перевода. В сборнике „Поэтика“ (Гос. Института Истории Искусств), вып II, Л. 1927.

7. Е. М. Рыт. Основы методики преподавания иностранных языков в свете науки о языке (особенно глава IX: „Принципы и техника перевода“). М., изд. „Работник Просвещения“, 1930.

8. Р. О. Шор. О научной базе художественного перевода. „Литературная газета“ 1933 № 53.

9. Г. Майфет. З уваг до теорії перекладу. (Из трудов по теории перевода) (на украинском яз.) „Критика“, Харьков, 1928 №3.

10. К. А. Ганшина. К вопросу о роли и значении перевода в преподавании иностранных языков. В „Сборнике материалов по методике преподавания иностранных языков“, М., Гиз, 1924.

11. Д. Усов. Из наблюдений над техникой перевода. В „Сборнике текстов для перевода с немецкого“ Д. Усова, З. Цильца и А. Тунцера М., Учгиз, 1934.

12. Акад. В. М. Алексеев. Ленин на китайском языке. „Вестник Академии Наук СССР“ 1933, № 1.

13. Р. О. Шор. Предисловие к переводу избранных рассказов „Панчатантры“. М., изд. „Ранион“, 1930.

*) См. № 12.

14. М. А. Салье. Предисловие к переводу „Книги Тысячи и одной ночи“, том I. Л., изд. „Academia“, 1929
15. Акад В. М. Алексеев. Русские писатели в китайских переводах. „Восток“ (журнал литературы, науки, искусства). Книга I. П., изд. „Всемирная литература“, 1922.
16. А. А. Смирнов. О переводах „Дон-Кихота“. Предисловие к „Дон-Кихоту Ламанчскому“ Сервантеса, том I, Л., изд. „Academia“, 1929.
17. Б. А. Грифцов. Послесловие переводчика к „Философским повестям“ Бальзака. В XVI томе Собрания сочинений Бальзака, М.-Л., ГИХЛ, 1933.
18. Г. Поспелов. „Eugenie Grandet“ Бальзака в переводе Ф. М. Достоевского. „Ученые Записки института Языка и Литературы“ Том II, М., изд Ранион. 1 28.
19. А. Финкель. Украинские писатели в русских переводах. „Красное Слово“. Харьков 1928, № 1—2.
20. А. Г. Амантаев. „Коммунистический манифест“ на татарском языке. Сборник „Карлу Марксу Академия Наук СССР“. Л., 1933.
21. А. П. Баранчиков. Популяризация марксизма в Индии. Сборник „Карлу Марксу Академия Наук СССР“, Л., 1933.
22. Н. Н. Поппе. Перевод тезисов о Фейербахе К. Маркса на монгольский язык. Сборник „Карлу Марксу Академия Наук СССР“, Л., 1933.
23. Акад. А. Н. Самойлович. Первые переводы „Коммунистического Манифеста“ на казакский и узбекский языки. Сборник „Карлу Марксу Академия Наук СССР“, Л., 1933.
24. Акад. А. И. Малейн. Первый русский перевод „Капитала“. Сборник „Карлу Марксу Академия Наук СССР“, Л., 1933.
25. Андрей Федоров. Русский Гейне (40-ые – 60-ые годы). В сборнике статей „Русская поэзия XIX века“, Л., изд. „Academia“, 1929.
26. Р. О. Шор. О переводах и переводчиках. „Печать и Революция“, 1926, № 1.
27. Андрей Федоров. О современном переводе. „Звезда“, 1929, № 9.
28. А. Ерикеев, М. Джалил и А. Файзи. Национальная поэзия и переводчики. „Литературная Газета“, 1932, № 49.
29. А. Глоба. О методе перевода национальных песен. „Литературная Газета“, 1933, № 57.
30. В. Рамм и Д. Усов. Принципы вокального перевода. „Советская Музыка“, 1934, № 3.
31. Д. Выгодский. Переводы национальных писателей. „Литературный Ленинград“ 1934 № 43.
37. М. М. Новицкий. „Кобзарь“. Шевченко в русских переводах. В книге Т. Г. Шевченко, „Кобзарь“. Избранные стихотворения в переводе Федора Сологуба. ОГИЗ-ГИХЛ, Л. 1934.

Ответств. редактор Грифцов Б. А.

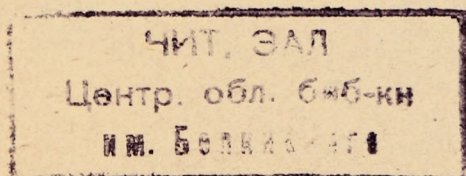
Техн. редактор Чугин С. И.

Книга сдана в набор 8/VIII-34 г. Подписана к печати 27/XI-34 г. УЧГИЗ № 5991. Индекс У-6 н. Печ. листов 3 бумажных 1 1/2. Тип. зн. на 1 б. л. 151.360. Формат 82×110 1/32. Бумага № 31 1/2 бум. фабрики „Сокол“. Уполномоченный Главлита Б-4040+. Тираж 3000. Зак. №. 2813.

Оглавление

	<i>Стр.</i>
1. Общие замечания	3
2. Установки перевода.	5
3. Построение речи.	7
4. Передача выразительных средств подлинника.	17
5. Передача терминов	23
6. Выбор слов.	31
7. Ошибки переводчика:	36
а) Искажение.	36
б) Дословщина	39
в) Смазывание	41
г) Произвольные изменения текста и перевод-пересказ.	44
8. Заключение	46
Указатель литературы	47

Цена 20 коп.

У — 7 н.

М 44 71